Уход в лес

Автор:
Эрнст Юнгер

Уход в лес

Эрнст Юнгер

Эссе «Уход в Лес» Эрнста Юнгера (1895-1998) – манифест, посвященный попытке уберечь свободу от политического давления. Юнгер исследует саму возможность сопротивления: как независимый мыслитель может противостоять силе вездесущего государства. Независимо от того, насколько обширными становятся технологии наблюдения, лес защищает мятежника, который, в свою очередь, способен нанести тирании ответный удар.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Эрнст Юнгер

Уход в Лес

© 1951, 1980 Klett-Cotta – J. G. Cotta’sche Buchhandlung Nachfolger GmbH, Stuttgart

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2020

* * *

«Здесь и сейчас»

1

«Уход в Лес» – отнюдь не идиллия скрывается за этим названием. Напротив, читатель должен быть готов к рискованной прогулке не только по проторенным тропам, но и, быть может, уводящей за пределы исследованного.

Речь пойдет о главном вопросе нашего времени, вопросе того рода, что всегда несет в себе угрозу. Мы задаемся многими вопросами, так же как наши отцы и деды до нас. Между тем, безусловно, значительно изменился смысл того, что называют самим вопросом. Достаточно ли мы осознаём это?

Едва ли прошли времена, когда подобные вопросы воспринимались как великие загадки, или Мировые загадки, с оптимизмом, предполагающим уверенность в их разгадке. Некоторые проблемы вообще воспринимались скорее как практические задачи, вроде женского вопроса или социального вопроса. Эти проблемы также считались поддающимися решению, правда, не столько путем изысканий, сколько в ходе развития общества и установления в нем новых порядков.

Нынче социальный вопрос на просторах нашей планеты уже решен. Бесклассовое общество настолько расширило его, что он стал скорее частью внешней политики. Разумеется, это не значит, что тем самым вопросы упраздняются, как казалось в первом порыве энтузиазма, скорее, их сменяют другие вопросы, еще более острые. Одним из них мы здесь и займемся.

2

Читатель на собственном опыте может понять, что изменилась сама сущность вопроса. Мы живем во времена, когда нас со своими вопросами обступают разные силы. И движет этими силами отнюдь не чистая жажда знания. Спрашивая нас, они не ожидают, что мы внесем лепту в познание объективной истины или поспособствуем решению каких-то проблем. Им нужно не наше решение, им нужен сам наш ответ.

Это существенное различие. Оно сближает спрашивание и допрашивание. Можно проследить это по развитию опроса от избирательного бюллетеня к анкете. Избирательный бюллетень предназначен для определения простых числовых соотношений и для их подсчета. Он должен выяснить волю избирателя, и весь избирательный процесс направлен на то, чтобы это волеизъявление было непосредственным, без посторонних влияний на результат. Поэтому выборам сопутствует чувство безопасности и даже чувство причастности к власти, что, собственно, и отличает свободное волеизъявление в рамках правового поля.

Наш современник, проходящий навязанное ему анкетирование, весьма далек от подобной безопасности. Даваемые им ответы чреваты последствиями, часто его судьба зависит от них. Мы видим, как человек оказывается в том положении, когда он вынужден заполнять документы, рассчитанные погубить его. И часто совсем незначительные вещи сегодня могут привести к гибели.

Становится очевидным, что в этой перемене способа задавать вопросы намечается совсем иной порядок, нежели тот, который мы наблюдали в начале нашего столетия. Нет больше былой безопасности, и наше мышление должно быть готовым к этому. Вопросы подбираются к нам все ближе, они становятся все настойчивей, и все важнее становится способ, которым мы отвечаем. При этом нужно помнить, что молчание – это тоже ответ. Нас спросят, почему мы промолчали тогда-то и там-то, и нам придется расплачиваться за это. Таковы патовые ситуации нашего времени, которых никто не избежит.

Примечательно, что в этом случае все будет являться ответом и тем самым поводом к ответственности. Так, сегодня еще недостаточно осознают, в какой степени, например, тот же избирательный бюллетень превратился в анкету. Но человеку, если ему, конечно, не посчастливилось жить в заповеднике, это вполне ясно в той степени, в какой он действует. Мы всегда оглядываемся на опасность скорее в наших делах и поступках, чем в наших теориях. Но только вместе с осознанием обретем мы новую безопасность.

Итак, избиратель, о котором мы говорим, подходит к урне с совсем иными чувствами, нежели его отец или дед. Он скорее предпочел бы оказаться от нее подальше, правда, тем самым он тоже выразил бы свое недвусмысленное отношение. Но и участие представляется не менее опасным, ведь нужно помнить о дактилоскопии и хитроумных приемах статистического учета. Так

зачем же в таком случае нужны выборы, если выбора больше нет?

Ответ таков: нашему избирателю предоставляется возможность своим бюллетенем поучаствовать в акте аккламации. Не каждый признаётся достойным этой привилегии – так в избирательных списках, разумеется, отсутствуют имена бесчисленных неизвестных, из числа которых набирают армии новых рабов. Поэтому избирателю обычно известно, чего от него ждут.

В этом смысле все ясно. По мере развития диктатур свободные выборы заменяются плебисцитом. Область применения плебисцита все расширяется, распространяясь на области, ранее принадлежавшие выборам. И вскоре выборы становятся лишь одной из форм плебисцита.

Плебисцит может носить публичный характер, когда руководители, то есть символы государства, выставляют себя напоказ. Вид огромных, страстно возбужденных масс – важнейший признак того, что мы вступили в новую эру. в этой области господствует если не единодушие, то наверняка единогласие, так как если и раздается вдруг несогласный голос, тут же поднимаются вихри, уничтожающие того, кому он принадлежит. Поэтому одиночка, решивший обратить на себя внимание подобным способом, с тем же успехом может осмелиться и на политическое убийство: результат для него будет одинаковым.

Впрочем, там, где плебисцит облачается в форму свободных выборов, большое значение придают их тайному характеру. Диктатура тем самым стремится доказать, что она опирается не только на подавляющее большинство, но и что ее одобрение есть выражение свободного волеизъявления отдельных людей. Искусство управления заключается не только в том, чтобы ставить правильные вопросы, но и в правильной режиссуре вопрошания, право на которую монополизировано. Режиссеры должны представлять весь этот процесс в форме оглушительного хора, возбуждающего ужас и восхищение.

Пока что все выглядит вполне очевидным, хотя для человека старшего поколения, быть может, и в новинку. Избиратель поставлен перед вопросом, ответить на который по веским причинам рекомендуется так, чтобы угодить спрашивающему. Однако подлинная трудность состоит в том, что при этом должна сохраняться иллюзия свободы. к тому же опрос, как и любой моральный процесс в данной области, должен формировать статистику. Деталями этой статистики мы и займемся подробнее. Это приведет нас к нашей теме.

3

С технической точки зрения организовать выборы, при которых сто процентов голосов отдаются тому, кому нужно, едва ли представляется трудным. Этой цифры уже достигали, ее даже превосходили, так что в определенных районах число голосов превышало число избирателей. Это указывает на ошибки в режиссуре, так как не каждое народонаселение захочет выполнять такой сценарий. Там, где работали более ловкие пропагандисты, дела обстояли, например, следующим образом.

Сто процентов – это идеальная цифра, которая, как и всякий идеал, недостижима. Можно лишь приблизиться к ней – подобно тому, как в спорте к некоторым, также недостижимым рекордам можно приблизиться лишь на доли секунд или метров. Степень приближения к идеалу определяется множеством запутанных соображений.

Там, где диктатура глубоко укоренилась, девяноста процентов согласных было бы уже слишком мало. Один из десяти является тайным врагом? – подобной мысли не должно возникать у масс! Если же недействительных и поданных против голосов окажется около двух процентов, это будет не только приемлемым, но и вполне благоприятным результатом. Мы не хотим рассматривать эти два процента как пустую породу и списывать их со счета. Они достойны более пристального изучения. Сегодня именно в остатках находят самое неожиданное.

Организаторам от этих двух процентов двойная польза: во-первых, они показывают остальным девяноста восьми процентам проголосовавших тенденцию и в то же время доказывают им, что каждый из них в принципе мог проголосовать так же, как и эти два процента. Благодаря этому их «да» растет в цене, становится подлинным и полноценным. Диктатурам, в свою очередь, важно показать, что свобода говорить «нет» у них не исчезла. В этом заключается один из величайших комплиментов, который можно сделать свободе.

Вторая польза от этих двух голосов в том, что они поддерживают то непрерывное развитие, на которое диктатуры вынуждены ссылаться. По этой же

причине они до сих пор по привычке притворяются «партиями», хотя это уже и бессмысленно. Идеала можно было бы достичь при ста процентах. Но это повлекло бы за собой опасности, связанные с любым осуществлением идеала. Можно почить на лаврах гражданской войны. При виде каждого великого братания нужно спрашивать себя: а кто теперь враг? Подобное единение всегда есть в то же время исключение – исключение третьей стороны, ненавистной, но тем не менее необходимой. Пропаганда всегда ссылается на положение, при котором враг государства, враг народа, классовый враг наголову разбит и стал посмешищем, но все-таки не исчез. Диктатуры не могут существовать на одном согласии, если ненависть, а вместе с нею и страх не служат противовесом. Террор стал бы бессмысленным при ста процентах хороших голосов; остались бы только благонадежные. В этом другая польза от наших двух процентов. Они подтверждают, что хорошие хоть и в подавляющем большинстве, но все же не в полной безопасности. Наоборот, необходимо сделать вывод, что при таком убежденном единстве лишь самые ожесточенные могут оставаться непричастными. Речь идет о саботажниках с избирательным бюллетенем – и кто может поручиться, что они не перейдут к другим формам саботажа, если представится случай?

Это и есть тот пункт, в котором избирательный бюллетень совпадает с анкетой. При этом можно не брать на себя личную ответственность за поданный ответ, все равно можно быть уверенным в том, что числовое соотношение сохранится. Можно быть уверенным в том, что те же два процента по законам двойной бухгалтерии проявятся и в других списках, помимо избирательной статистики, – например, в списках имен заключенных тюрем и трудовых лагерей или там, где только Бог считает жертвы.

В этом состоит другая функция, которую ничтожное меньшинство исполняет для подавляющего большинства, – первая, как мы видели, состояла в том, что это меньшинство придавало ценность и подлинность остальным девяноста восьми процентам. Не менее важно и то, что никто не хочет быть причисленным к этим двум процентам, на что наложено грозное табу. Напротив, каждому важно показать всем, что он отдал хороший голос. А если он принадлежит к тем двум процентам, то он будет скрывать это даже от ближайших друзей.

Дополнительное преимущество данного табу в том, что оно направлено также и против категории людей, игнорирующих выборы. Отказ от участия относится к жестам того рода, что тревожат Левиафана, впрочем, непосвященные слишком переоценивают эту возможность. Все это быстро пресекается в случае

опасности. И тогда можно рассчитывать на почти поголовное участие в выборах, и при этом не сильно возрастет и число проголосовавших вопреки ожиданиям спрашивающих.

В подобном случае избирателю будет важно, чтобы его видели в момент голосования. Если он хочет действовать наверняка, то он даже покажет бюллетень своим знакомым, прежде чем опустить его в урну. Лучше всего действовать сообща, и тогда можно будет предъявить свидетельства, что крестик стоял в нужном месте. Существует также множество других поучительных вариантов, которых добропорядочный европеец, если ему не довелось познакомиться с подобными ситуациями, даже не может себе представить. Далеко не редкость – фигура обывателя, опускающего свой бюллетень со словами:

– Его можно было бы отдавать и открыто.

На что чиновник избирательной комиссии отвечает с благосклонной улыбкой Сивиллы:

– Да, конечно, но так не положено.

Посещение подобных мест способно заострить взгляд изучающего вопросы власти. Здесь можно приблизиться к одному из ее нервных узлов. Впрочем, мы зайдем слишком далеко, если увлечемся подробностями подобных учреждений. Вполне достаточно рассмотреть своеобразную фигуру человека, пришедшего на избирательный участок с твердым намерением проголосовать против.

4

Само намерение этого человека, скорее всего, не так уж исключительно; его могут разделять многие, которых наверняка гораздо больше упомянутых двух процентов избирателей. Режиссеры же данного процесса, наоборот, стремятся убедить его, что он очень одинок. и это еще не всё – большинство к тому же должно производить на него впечатление не только своим числом, но и знаками своего морального превосходства.

Можно предположить, что этот избиратель, благодаря своему здравому уму, сопротивлялся долгой недвусмысленной пропаганде, которая все изощреннее усиливалась до самого дня выборов. Это было не так-то просто; прибавьте к этому, что волеизъявление, которого от него требуют, облачается в самые достойные формы; его просят участвовать в выборе свободы или голосовании за мир. Кто же не любит мир и свободу? Должно быть, только нелюди. Уже одно это придает ответу «нет» преступный характер. Плохой избиратель подобен преступнику, крадущемуся к месту преступления.

Насколько же бодрее чувствует себя в этот день хороший избиратель. Уже за завтраком он получил по радио последний стимул, последнее напутствие. Вот он выходит на улицу, на которой царит праздничное настроение. На каждом доме из каждого окна свисают знамена. Во дворе избирательного участка его приветствует оркестр, играющий марши. Музыканты одеты в мундиры, да и на самом избирательном участке хватает людей в униформе. Хорошему избирателю при таком воодушевлении вряд ли придет в голову в кабинке для голосования проголосовать против.

Те же самые обстоятельства насторожат плохого избирателя. Он оказывается со своим карандашом перед комиссией в униформе, присутствие которой его смущает. Голосование проходит за столом, скрытым за какой-то зеленой занавеской. Организация продумана досконально. Непохоже, что можно подсмотреть, куда ставит крестик избиратель. Однако совсем ли это исключено? Вчера еще он слышал, как кто-то шептался, будто бюллетени можно нумеровать на печатной машинке без ленты. При этом он должен быть уверен в том, что никто не подсматривает ему через плечо. Со стены огромный портрет главы государства все в той же униформе с неподвижной улыбкой взирает на него.

Сам бюллетень, на который он смотрит, также обладает силой внушения. Он есть результат искусного расчета. Под словами «Свободный выбор» виден большой круг, на который к тому же указывает стрелка: «Место для твоего „Да“». Рядом с ним едва заметный маленький кружок, предназначенный для «Нет».

Наступает великий момент: избиратель ставит свой крестик. В душе мы с ним заодно; он действительно проголосовал против. На самом же деле данный акт есть точка пересечения фикций, которые мы намерены разоблачить: выборы, избиратели, предвыборная агитация – это всего лишь этикетки совсем иных вещей и процессов. Это картинки с загадками. На пике власти диктаторы живут

во многом за счет того, что их иероглифы пока никто не расшифровал. Но однажды они встречают своего Шампольона. И пускай он не вернет нам былую свободу, но, по крайней мере, научит нас правильно отвечать.

Похоже, что наш избиратель оказался в ловушке. Это делает его поступок не менее достойным удивления. Говоря «нет», он как бы остается на оставленном всеми посту, то есть продолжает бороться за безнадежное дело, но тем не менее такой поступок будет иметь последствия. Там, где старый мир еще покоится в лучах закатного солнца, на прекрасных склонах, на островах, словом, в более мягком климате, этого поступка не заметят. Там произведут впечатление остальные девяносто восемь из ста. И поскольку культ большинства справляют всё более и более бездумно, эти два процента обойдут вниманием. Они лишь делают большинство нагляднее и грандиознее, поскольку при ста из ста просто не было бы никакого большинства.

В странах, где еще помнят настоящие выборы, этот успех вызовет сначала удивление и любопытство, а затем и зависть. Если этот успех влияет на внешнеполитические интересы, то эти чувства могут резко смениться ненавистью и презрением. Они не станут, как Бог в Содоме, искать двух праведников. Будут раздаваться голоса, что все они там предались злу и достойны заслуженной гибели.

5

Теперь нам хотелось бы оставить эти девяносто восемь процентов и обратиться к оставшимся двум, подобным золотым песчинкам, которые мы просеяли. Для этого мы проникнем за закрытые двери туда, где подсчитывают голоса. Мы окажемся в одном из самых заповедных мест плебисцитарной демократии, о которой существует лишь одно официальное мнение и бесчисленное множество слухов.

Мы тоже увидим комиссию в униформе, хотя обстановка здесь более фамильярная, царит атмосфера комфорта и доверия. Комиссия эта сформирована из представителей правящей и единственной партии, а также из пропагандистов и полицейских. Их настроение подобно настроению хозяина фирмы, подсчитывающего свою кассу, хотя и не без напряженности, так как все

присутствующие отвечают, так или иначе, за результат. Оглашаются голоса «за» и голоса «против» – первые доброжелательно, вторые со злобным спокойствием. Также встречаются недействительные голоса и незаполненные бюллетени. Особенно портит настроение, если попадется вдруг эпиграмма какого-нибудь остряка, хотя они, разумеется, встречаются все реже. Как и любого спутника свободы, юмора не хватает в пределах тирании, но все же шутка становится острее, если ради нее рискуют головой.

Можно предположить, что мы оказались в той области, где пропаганда дальше всего продвинулась в своем устрашающем действии. В таком случае среди населения распространится слух, что множество голосов «против» были превращены в голоса «за». Но, скорее всего, этого не потребуется. Может быть, происходит наоборот, и спрашивающий должен еще придумать больше голосов «против», чтобы получить результат, на который он рассчитывал. Неизменным остается то, что именно спрашивающий устанавливает избирателям закон, а не они ему. В этом проявляет себя политическое свержение масс с престола, подготовленное еще XIX веком.

При таких обстоятельствах многое значит, даже если только один голос «против» из ста обнаружится в урне. От его носителя можно ожидать, что он готов принести жертву за свое мнение, за свои представления о праве и свободе.

6

Именно от этого голоса, а вернее, от его носителя может зависеть то, что грозящее нам скатывание до уровня насекомых не состоится. Даже самые убедительные расчеты не сходятся, если не учитывают пусть даже сотую долю процента.

Мы встречаемся здесь с подлинным сопротивлением, которое, разумеется, не сознает еще ни собственной силы, ни способа ее применения. Когда наш избиратель ставил крестик в опасном месте, он делал именно то, чего ожидал от него его могущественный противник. Это поступок несомненно храброго человека, но при этом всего лишь одного из бесчисленного множества людей, невежественных в вопросах новой власти. Речь идет о том, кому нужно помочь.

Если на избирательном участке его охватило чувство, будто он угодил в западню, значит, он правильно осознавал положение, в котором оказался. Он был там, где ничто из происходящего больше не соответствовало своему названию. Прежде всего, как мы видели, он заполнял не избирательный бюллетень, а анкету и поэтому находился не в свободном положении, а в положении очной ставки с властями. Он давал, подвергая себя опасности, необходимые разъяснения своему противнику, которого сто из ста голосов встревожили бы больше.

Как же должен вести себя этот человек, утративший последние остававшиеся у него возможности выразить свое мнение? Этим вопросом мы касаемся новой науки, а именно учения о свободе человека перед лицом изменившейся власти. Этот вопрос простирается за рамки данного единичного случая. Тем не менее нам хотелось бы еще немного задержаться на нем.

Избиратель оказывается в безвыходном положении, когда к свободному волеизъявлению его приглашает власть, которая, со своей стороны, не намерена придерживаться правил игры. Это та власть, которая требует с него присяги, в то время как сама она живет нарушением присяг. Он тем самым предоставляет надежный залог банку-мошеннику. Поэтому никто не может его упрекнуть в том, что он соглашается на опрос и при этом скрывает свое «нет». Он имеет на это право не только ради самосохранения, но также и потому, что может этим поступком продемонстрировать власть имущим свое презрение, что не менее значимо, чем простое «нет».

Это не значит, что «нет» этого человека не должно проявиться во внешнем мире. Наоборот – оно лишь не должно проявляться в том месте, которое выбирают для этого власть имущие. Есть другие места, где оно было бы им гораздо неприятнее, например – чистый край предвыборного плаката, публичный телефонный справочник или перила моста, по которому ежедневно проходят тысячи людей. Здесь короткое предложение вроде «Я сказал “нет”» оказалось бы на лучшем месте.

Но молодому человеку, которому дают подобный совет, нужно рассказать также о том, чему учит только опыт, например, следующее: «На прошлой неделе на местном тракторном заводе обнаружили слово “Голод”, написанное на стене. Построили весь коллектив и заставили вывернуть карманы. у одного нашли карандаш, на кончике которого были следы извести».

С другой стороны, диктатуры собственным своим давлением обнаруживают ряд своих слабых мест, тем самым облегчая нападение и экономя время нападающих. Так, возвращаясь к нашему примеру, не нужно даже писать целую фразу. Одного слова «нет» было бы достаточно; каждый, чей взгляд падал бы на это слово, знал бы наверняка, что оно означает. Это знак того, что порабощение удалось не полностью. Ведь именно на одноцветном фоне символы заметнее всего. На серой поверхности заметно самое маленькое пятнышко.

Знаками могут служить также цвета, фигуры или предметы. Там, где они принимают характер букв, письмо возвращается к иероглифическому шрифту. Тем самым знаки получают непосредственное существование, вместе с иероглифичностью и наглядностью они перестают быть толкованием, но сами становятся предметом истолкования. Так можно продолжить сокращение, и вместо слова «нет» писать одну лишь букву, например – W. Это, к примеру, может означать: Wir (Мы), Wachsam (Недремлющие), Waffen (Вооруженные), W?lfe (Волки), Widerstand (Сопротивление). Это также может означать: Waldg?nger (Ушедший в Лес).

Это стало бы первым шагом за пределы учитываемого статистикой и контролируемого мира. Но сразу же возникает вопрос о том, достаточно ли силен одиночка для столь рискованного предприятия?

7

Здесь необходимо учесть два возражения. Можно спросить, есть ли смысл в подобном, запечатленном лишь на бюллетене протесте? с точки зрения высокой нравственности сомнений быть не может. Человек должен высказывать свое мнение, перед каким бы форумом это ни происходило. Он также должен принимать во внимание возможность гибели как расплату за высказанное мнение.

Это кажется непререкаемым, хотя на практике подобное требование означало бы истребление элиты, и особенно в том случае, когда оно предъявляется со злым умыслом. Нет, подобный голос не может означать поражение, пусть он даже раздается с проигранных позиций. Именно это и придает ему особое значение. Он не поколеблет противника, но все же изменит того, кто решился на

это. До сих пор он был лишь одним из многих обладающих политическими убеждениями – перед лицом новых форм насилия он становится борцом, приносящим конкретную жертву, может быть, даже мучеником. Это превращение не зависит от содержания его убеждений – старые системы, старые партии тоже претерпевают трансформацию, когда сталкиваются с реальностью. Старую политическую свободу не вернешь. Демократ, в одиночку проголосовавший за демократию против девяноста девяти процентов голосов, тем самым преодолевает не только свою политическую систему, но и саму свою индивидуальность. Значение подобного поступка выходит за рамки мимолетного события, так как вскоре может уже не остаться ни демократии, ни индивида в прежнем смысле этих слов.

По этой же причине многочисленные попытки римских цезарей вернуться к республике потерпели неудачу. Республиканцы либо погибали в гражданской войне, либо выходили из нее изменившимися.

8

Второе возражение опровергнуть несколько труднее – у части читателей оно уже возникло: почему одно только «нет» должно иметь значение? Ведь можно допустить, что среди девяноста девяти других голосов есть те, что были поданы из самых искренних убеждений и по самым веским причинам?

И в самом деле, этого невозможно отрицать. Мы подошли к вопросу, в котором никакой компромисс не представляется возможным. Подобное возражение обоснованно, даже если был подан лишь один искренний голос «за».

Представим себе один идеальный голос «за» и один идеальный голос «против». В их носителях являет себя раздор, который таит в себе время, когда «за» и «против» взрастают даже в груди отдельного человека. «За» означает необходимость, «против» – свободу. Исторический процесс развивается так, что обе силы, как необходимость, так и свобода, влияют на него. История деградирует, когда одна из этих сил отсутствует.

То, какая из сил виднее, зависит не столько от ситуации, сколько от наблюдателя. При этом противостоящая ему сила всегда будет заметнее.

Свобода ограничена необходимостью, но все же именно необходимость придает свободе ее стиль. Этот стиль и есть та отличительная черта, в которой люди и народы либо соответствуют своему времени, либо погибают.

Под Уходом в Лес мы понимаем свободу одиночки в этом мире. Этим термином мы также выражаем трудность и даже заслугу, состоящую в том, чтобы быть одиночкой в этом мире. То, что положение одиночки изменилось и неизбежно еще изменится, не подлежит сомнению, но вместе с тем изменилась также и свобода, хоть и не в своей сути, но, несомненно, в своей форме. Мы живем в эпоху Рабочего; истинность этого утверждения со временем становится все очевиднее. Уход в Лес создает внутри данного порядка движение, которое отличает его от зоологических образований. Это не либеральный и не романтический акт, но пространство действия маленьких элит, тех, кто кроме требований времени сознает еще нечто большее.

9

Подающий свой одинокий голос – это еще не Ушедший в Лес. С исторической точки зрения он скорее опоздавший. Это заметно даже по тому, против чего он выступает. Только если он окинет взглядом всю партию целиком, он сможет сделать свой собственный, быть может, неожиданный ход.

Для этого он прежде всего должен выйти за рамки устаревших представлений о большинстве, которые по-прежнему влиятельны, хотя они уже давно были разоблачены Бёрком и Риваролем. в рамках этих представлений меньшинство в один процент не будет иметь совершенно никакого значения. Мы видели, что оно служит скорее для того, чтобы еще больше утвердить подавляющее большинство.

Представления изменяются, как только от статистических соображений отказываются в пользу соображений ценности. В этом случае этот одинокий голос настолько сильно отличается от всех остальных, что именно он и придает им направление. Мы можем быть уверены в том, что человек, подающий этот голос, не только способен сформировать собственное мнение, но и к тому же способен следовать ему. Поэтому мы также можем признать в нем человека мужественного. Если во времена господства непосредственного насилия,

затянувшегося, быть может, надолго, находятся одиночки, хранящие знание о правом и справедливом, даже оказавшись в числе жертв, то искать нам необходимо именно здесь. Даже там, где они молчат, вокруг них, как над скрытыми под водой рифами, всегда будет волнение. Они доказывают, что превосходство в силе даже там, где оно изменяет историю, не способно создать право.

Если смотреть на вещи с этой точки зрения, сила одиночки, окруженного неразличимыми массами, не кажется уже столь ничтожной. Нужно также учитывать, что одиночку почти всегда окружают близкие люди, на которых он влияет и которые разделяют его судьбу, в случае если он погибает. К тому же эти близкие не то же самое, что члены бюргерской семьи или приятели прошлых времен. Речь идет о более крепких связях.

Тем самым получается сопротивление не только одного из ста избирателей, но и одного из сотни всего населения. В подобном подсчете есть слабое место, поскольку в него включаются также и дети, хотя на гражданской войне человек рано становится совершеннолетним и ответственным. С другой стороны, в странах с более древней историей права эту цифру следует повысить. Впрочем, речь идет уже не о числовых соотношениях, но о сгущении бытия, что подводит нас к совершенно иному порядку. В рамках этого порядка нет уже разницы, противоречит ли мнение одиночки мнению сотен или тысяч других людей. К тому же его познания, его воля, его способности могут быть равноценны подобным качествам десяти, двадцати, даже тысячи других людей. Как только он решится выйти за пределы статистического, ему вместе с рискованностью станет очевидна и безрассудность этой общепринятой практики, лежащей далеко от чистых истоков.

Достаточно, если мы предположим в городе с десятью тысячами жителей существование сотни человек, решивших добиться свержения власти. Тогда в миллионном городе окажутся десятки тысяч Ушедших в Лес, если мы воспользуемся этим термином, не вдаваясь пока в его значение. Это огромная сила. Ее достаточно даже для свержения могущественных тиранов. Диктатуры не только несут угрозу другим, но и сами находятся под угрозой, поскольку их насильственное развертывание в свою очередь возбуждает глубокую антипатию. В подобном положении боеготовность ничтожных меньшинств способна внушать опасения, особенно если они смогли разработать собственную тактику.

Именно этим и объясняется колоссальное разрастание полиции. Численное увеличение полиции до уровня армии на первый взгляд кажется странным в державах, где одобрение стало столь подавляющим. Это должно служить знаком того, что потенциал меньшинства растет в том же соотношении. Так оно и есть на самом деле. От человека, который при так называемом голосовании за мир проголосовал против, в любом случае следует ожидать сопротивления, особенно когда правитель оказывается в трудном положении. И наоборот, нельзя с той же уверенностью рассчитывать на одобрение остальных девяноста девяти процентов в ситуации, когда положение дел станет неустойчивым. Меньшинство в такой ситуации подобно лекарству с сильным и непредсказуемым действием, инъецированному в государство.

Чтобы подобные отправные точки выявлять, отслеживать и контролировать, необходима полиция огромных размеров. Недоверие растет вместе с согласием. Чем больше доля хороших голосов приближается к ста процентам, тем больше будет число подозреваемых, поскольку предполагается, что сторонники сопротивления согласно очевидному статистическому правилу переходят в то ненаблюдаемое состояние, которое мы назвали Уходом в Лес. Отныне под наблюдением должен быть каждый. Слежка протягивает свои щупальца в каждый квартал, в каждый дом. Она стремится проникнуть даже в семьи и достигает своего крайнего триумфа в самообвинениях на крупных показательных процессах: здесь мы наблюдаем, как индивид выступает в роли собственного полицейского и содействует собственному уничтожению. Он больше не цельный индивид, как в либеральном мире, но разделен государством на две половины, виновную и ту, что сама себя обвиняет.

Как удивительно видеть эти высокооснащенные, гордящиеся обладанием всеми средствами принуждения государства и в то же время сознавать, насколько они уязвимы. Забота, которую они вынуждены уделять полиции, уменьшает их внешнюю силу. Полиция ограничивает бюджет армии, и не только бюджет. Если бы большие массы были столь прозрачны, столь однородны в своих мельчайших частицах, как это утверждает пропаганда, тогда полицейских было бы нужно не больше, чем пастуху собак для своего стада. Но это не работает, когда в сером стаде скрываются волки: по своей природе знающие, что такое свобода. И волки эти не только сильны сами по себе, но также опасны и тем, что могут заразить своими качествами массу, и тогда забрезжит грозный рассвет, и стадо превратится в стаю. Это ночной кошмар власть имущих.

К характерным чертам нашего времени относится сочетание значительности сцен с незначительностью исполнителей. Это всего заметнее по нашим великим мужам; складывается впечатление, что речь идет о типажах, которых в любом количестве можно встретить в женевских или венских кофейнях, в провинциальных офицерских столовых или в каких-нибудь сомнительных караван-сараях. Там, где помимо голой силы воли встречается еще сила духа, можно заключить, что перед нами человек старой закалки, как, например, Клемансо.

Самое неприятное в данном спектакле – это сочетание человеческого ничтожества с чудовищной функциональной властью. Это мужи, перед которыми трепещут миллионы, от решений которых зависят миллионы. И все же нужно признать, что дух времени отобрал их абсолютно безупречно, если рассматривать его в одной из возможных перспектив – как прораба по сносу ветхих зданий. Все эти экспроприации, девальвации, унификации, ликвидации, рационализации, социализации, электрификации, земельные консолидации, дистрибуции и пульверизации не предполагают ни индивидуального склада, ни характера, поскольку и то и другое вредит автоматизму. Поэтому там, где в цеховой иерархии требуется еще власть, предусматривающая дополнительную оплату, неизбежно возвышаются ничтожества, обладающие сильной волей. Мы вернемся к этой теме, вернее, к ее моральной стороне в другом месте.

Однако в той мере, в какой спектакль теряет в своем психологизме, он становится тем значительнее типологически. Человек оказывается включенным в отношения, которые он не способен охватить своим сознанием целиком и сразу, не говоря уже об их гештальте – взгляд, позволяющий понимать спектакль, приобретается только со временем. Только тогда господство и станет возможным. Сначала процесс должен быть понят, и лишь затем можно будет влиять на него.

Мы видим, как в периоды катастроф появляются фигуры и гештальты, способные справиться с ними, но и пережить их, тогда как случайные имена скоро предаются забвению. к ним относится прежде всего гештальт Рабочего, уверенно и непоколебимо шагающий к своим целям. Пламя заката лишь придало ему блеска. Еще сияет он неведомым титаническим светом: нам не дано предвидеть, в каких княжеских дворцах, в каких космических столицах

воздвигнет он себе свой трон. Мир облачен в его мундир и носит его оружие и однажды, быть может, облачится и в его праздничные одежды. Поскольку он еще только в начале своего пути, судить о том, чем все завершится, преждевременно.

Вместе с Рабочим выступают и другие гештальты – даже и те, в которых болезнь возвышается над собой. К подобным гештальтам относится Неизвестный Солдат, безымянный, который именно благодаря этому качеству обитает не только в каждом крупном городе, но и в каждой деревне, в каждой семье. Места его битв, его временные цели и даже народы, которые он защищал, канули в неизвестность. Пожары остывают, и остается нечто другое, общечеловеческое, где не остается места для интересов и пристрастий, но есть место лишь для уважения и почитания.

Как так вышло, что этот гештальт столь отчетливо связан с воспоминаниями о Первой, а не о Второй мировой войне? Ответ заключается в том, что теперь все яснее проступают формы и цели Мировой гражданской войны. Вместе с этим все солдатское уходит на второй план. Неизвестный Солдат остается героем, покорителем огненных миров, принявшим на себя великое бремя посреди механического истребления. к тому же он – подлинный потомок западноевропейского рыцарства.

Вторая мировая война отличается от Первой не только тем, что национальные вопросы здесь открыто переходят в вопросы гражданской войны и подчиняются им, но и тем, что механический прогресс нарастает, в своих крайних пределах приближаясь к автоматизму. Это неизбежно приводит к усилению посягательств на номос и этос. С этим же связано появление тактики «котла», совершенно безвыходного окружения с подавляющим перевесом сил. Сражение военной техники становится битвой в котле, битвой при Каннах, только лишенной античного величия. Эта болезнь разрастается способом, неизбежно исключающим все героическое.

Как и все стратегические фигуры, «котел» являет нам точный образ эпохи, стремящейся прояснить свои вопросы огнем. Безвыходное окружение человека давно уже подготовлено в первую очередь теориями, стремящимися к логичному и исчерпывающему объяснению мира и идущими рука об руку с техническим прогрессом. Вначале противник попадает в рациональный, а вслед за тем и в социальный «котел»; кольцо замыкается, и наступает час истребления. Нет безнадежнее доли, чем быть затянутым туда, где даже право превратилось

в оружие.

11

Подобные явления в человеческой истории присутствовали всегда, их можно отнести к тем мерзостям, без которых редко обходятся великие перемены. Тем более тревожно, что жестокость грозит стать элементом в устройстве новых структур власти и что одиночка оказывается перед ней безоружным.

Тому есть несколько причин, и прежде всего та, что рациональное мышление жестоко. Жестокость является частью плана. При этом особая роль отводится прекращению свободной конкуренции. Это приводит к удивительным последствиям. Конкуренция, о чем говорит нам сам термин, подобна гонке, в которой самые ловкие получают приз. Там, где она устраняется, грозит укорениться своеобразное иждивенчество за счет государства, в то время как внешняя конкуренция, гонка государств друг с другом, сохраняется. Освободившееся от конкуренции место занимает террор. Его порождают скорее другие обстоятельства, а здесь кроется одна из причин, в силу которых он поддерживается и сохраняется. Отныне развиваемая при конкурентной гонке скорость должна внушать страх. В одном случае стандарт зависит от высокого давления, в другом – от вакуума. В одном случае темп задает победитель, в другом – тот, кто бежит хуже всех.

Отсюда проистекает и то обстоятельство, что государство во втором случае оказывается вынужденным постоянно держать часть населения в ежовых рукавицах. Жизнь стала серой, и все же она может показаться вполне сносной тому, кто видит рядом сплошную тьму, абсолютный мрак. Именно здесь, а вовсе не в области экономики кроются опасности грандиозных планов.

Выбор преследуемых подобным образом слоев остается произвольным; речь всегда идет о меньшинствах, которые или выделяются по своей природе, или же конструируются. Очевидно, что под угрозой оказываются все те, кто возвышается благодаря своему происхождению и таланту. Подобная обстановка распространяется и на обращение с побежденными на войне; от абстрактных упреков во времена аншлюса дело дошло до голодомора в лагерях для военнопленных, принудительных работ, геноцида в захваченных странах

и депортации оставшихся в живых.

Понятно, что человеку в подобном положении желаннее нести самое тяжкое бремя, чем быть причисленным к «иным». Кажется, что автоматизм играючи переламывает остатки свободной воли и что угнетение становится непроницаемым и всеобъемлющим, как стихия. Побег доступен лишь немногим счастливчикам и приводит обычно к худшему. Казалось бы, сопротивление должно пробуждать к жизни сильнейших, даруя им долгожданный повод к насилию. Но вместо этого люди тешатся последней оставшейся надеждой на то, что процесс сам себя исчерпает, подобно вулкану, истекающему лавой. Тем временем у попавшего в окружение человека остаются только две заботы: исполнять должное и не отклоняться от нормы. Это происходит даже и в безопасных зонах, где люди также охвачены паникой перед лицом гибели.

И здесь неизбежно возникает вопрос, причем не только теоретический, но и для каждого сегодня – вопрос существования: остался ли еще иной путь, по-прежнему торный? Есть еще узкие проходы, горные тропы, открытые только тем, кто поднялся высоко. Перед нами новая концепция власти в ее самой сильной и беспримесной концентрации. Чтобы выстоять перед ней, нужна новая концепция свободы, которая не может иметь ничего общего с теми поблекшими представлениями, что до сих пор были связаны с этим словом. Прежде всего это касается тех, кто не только сумел остаться неостриженным, но и дальше хочет сохранять свои волосы.

И в самом деле, известно, что в этих государствах, с их столь могущественной полицией, не все живое и подвижное вымерло. В панцире новых Левиафанов существуют бреши, которые постоянно кем-то нащупываются: занятие, предполагающее не только осторожность, но и отвагу нового, до сих пор неизвестного рода. Оттого и напрашивается мысль, что тем самым элиты вступают в борьбу за новую свободу, требующую больших жертв и не могущую быть истолкованной каким угодно способом, разве только достойным ее. Необходимо обратить взор на более суровые места и времена, чтобы найти что-либо подобное, например на гугенотов или на испанскую герилью, как видел ее Гойя в своих «Бедствиях войны». По сравнению с этим взятие Бастилии, которое и сегодня еще подпитывает сознание индивидуальной свободы людей, кажется не более чем загородной воскресной прогулкой.

По сути, тиранию и свободу нельзя рассматривать по отдельности, даже если с точки зрения временности они и сменяют друг друга. Можно, конечно, сказать,

что тирания упраздняет и отменяет свободу – но, с другой стороны, тирания становится возможной только там, где свобода стала ручной и низвела сама себя до пустого понятия.

Человек склонен полагаться на машины или уступать им даже тогда, когда он должен черпать силы из собственных источников. Это объясняется нехваткой фантазии. Человек должен осознавать тот предел, за которым он не может себе позволить отдавать на откуп свое собственное суверенное решение. Пока все в порядке, в кране есть вода, а в розетке ток. Если жизнь и собственность окажутся в опасности, телефон волшебным образом призовет на помощь пожарных и полицию. Большая опасность скрыта в том, что человек слишком сильно на эту помощь полагается и потому оказывается беспомощным, когда она не приходит. За любой комфорт нужно расплачиваться. Положение домашнего животного влечет за собой положение убойного скота.

Катастрофы – это проверка на то, в какой мере людские массы и народы сохранили свою подлинную основу. Уходят ли по-прежнему их корни прямо в почву – вот от чего зависит их здоровье и выживание по ту сторону цивилизации с ее системами страхования.

Это становится заметным в момент самой страшной опасности, когда машины не только изменяют человеку, но и бросают его в самом беспросветном окружении. И тогда он должен сам решить, признает ли он партию проигранной или же будет продолжать ее своими собственными, глубинными силами. В этом случае он решается на Уход в Лес.

12

Мы упоминали о Рабочем и Неизвестном Солдате как о двух великих гештальтах нашего времени. Под Ушедшим в Лес мы понимаем третий гештальт, проявляющийся все отчетливее.

В Рабочем деятельное начало раскрывает себя через попытку новым способом освоить Вселенную, овладеть ею, достигнуть как близкого, так и далекого, чего не видел еще ни один глаз, покорить силы, которых никто еще не высвобождал. Неизвестный Солдат принадлежит к темной стороне деятельности, как идущий

на жертву, несущий бремя в великих огненных пустынях, он призывается как добрый дух, объединяющий не только отдельные народы изнутри, но и разные народы между собой. Он – подлинный сын Земли.

Ушедшим в Лес мы называем того, кто в ходе великих перемен оказался одиноким и бесприютным и в конечном счете увидел себя преданным уничтожению. Такой могла бы стать участь многих, если даже не всех – но еще одна возможность должна была представиться. Она заключается в том, что Ушедший в Лес решается оказать сопротивление, намереваясь вступить в борьбу, скорее всего, безнадежную. Таким образом, Ушедший в Лес – это тот, кто сохранил изначальную связь со свободой, которая с точки зрения времени выражается в том, что он, сопротивляясь автоматизму, отказывается принимать его этическое следствие, то есть фатализм.

При подобном рассмотрении нам раскрывается та роль, которую Уход в Лес играет не только в мышлении, но и в реальности нашей эпохи. Любой человек сегодня находится в ситуации принуждения, и попытки устранить это принуждение подобны смелым экспериментам, от которых зависит самая великая участь, на которую только способен отважиться человек.

Надеяться на успех в подобном рискованном предприятии можно только при опоре на помощь трех великих сил: искусства, философии и теологии – и тогда из безысходности будет проложен путь. Мы приступаем к последовательному рассмотрению этих трех сил. Предпосылкой нашего рассмотрения станет тот факт, что тема попавшего в окружение одиночки все более занимает свое место в искусстве. Естественно, что сильнее всего эта тенденция проявляет себя в изображении человека на сцене театра, в кинематографе и, конечно, в романе. И в самом деле, мы наблюдаем, как меняется перспектива по мере того, как на смену описаний прогрессирующего или вырождающегося общества приходят описания конфликта одиночки с миром технологического коллективизма. По мере того как автор проникает в подобные глубины, он сам становится Ушедшим в Лес, поскольку авторство есть лишь одно из имен для независимости.

Традиция подобных изображений восходит к Эдгару Аллану По. Все экстраординарное, отличающее этого автора, кроется в экономии средств. Мы слышим лейтмотив еще до того, как поднимется занавес, и уже с первых тактов понимаем, что спектакль будет страшным. Скупые математические фигуры есть в то же время фигуры судьбы; на чем и основано их небывалое очарование. Мальстрём – это воронка, непреодолимо засасывающая в бездну,

притягивающая пустота. Водяная пропасть дает нам образ «котла», все более плотного окружения, сжимающегося пространства, кишащего крысами. Маятник – это символ мертвого, отмеренного времени. Это острый серп Кроноса, что, раскачиваясь, угрожает связанному пленнику, но он же и освобождает его, если тот сумеет им воспользоваться.

А тем временем пустые географические карты заполнялись морями и странами. Прибывал исторический опыт. Все более искусственные города, автоматизированные отношения, войны внешние и гражданские, механизированный ад, серые деспотии, тюрьмы и доскональный контроль – все эти вещи получали рождение, не оставляя человека ни днем, ни ночью. Мы видим его размышляющим о ходе событий и об их исходе, видим его смелым проектировщиком и мыслителем, видим его деятелем и укротителем машин, воином, пленником, партизаном – посреди его городов, которые то сгорают в пламени, то сияют праздничными огнями. Мы видим его презирающим ценности, холодным счетоводом, но также мы видим его в отчаянии, когда посреди лабиринтов взгляд его ищет звезд.

Этот процесс имеет два полюса: первый – это целое, которое оформляется все могущественнее и движется вперед, преодолевая любое сопротивление. Это завершенный маневр, имперская экспансия, совершенная уверенность. На другом полюсе мы видим одиночку, страдающего и беззащитного, в столь же совершенной неуверенности. Оба эти полюса взаимообусловлены, поскольку грандиозное развертывание власти питается страхом, и принуждение эффективнее всего там, где чувствительность повышена.

Всякий раз, когда искусство обращается к новому положению человека как своей подлинной теме, оно выходит за рамки банальных описаний. Более того, речь идет об экспериментах, преследующих высшую цель – найти новое гармоничное сочетание мира и свободы. И если эта цель становится зримой в настоящем произведении искусства, сгустившийся страх рассеивается, как туман в первых лучах солнца.

Страх принадлежит к числу симптомов нашего времени. Он стал тем более пугающим оттого, что принадлежит эпохе большой индивидуальной свободы, когда даже нужда, как ее, например, изображал Диккенс, стала почти неизвестной.

Как же дошло до подобной перемены? Если вам нужен конкретный день, то ничто не подходит лучше, чем день гибели «Титаника». Здесь ярче всего контраст света и тени: встречаются друг с другом хюбрис прогресса и паника, повышенный комфорт и разрушение, автоматизм и катастрофа, проявившаяся в транспортной аварии.

По сути, растущий автоматизм и страх друг с другом тесно переплетены, причем именно в той степени, в какой человек ради технического облегчения жизни отдает способность принимать решения на откуп внешним силам. Это, конечно, приносит ему разнообразные удобства. Но вместе с этим с необходимостью происходит и дальнейшая утрата свободы. Одиночка в обществе больше не подобен дереву в лесу, скорее он подобен пассажиру быстро передвигающегося транспорта, который может называться «Титаником», а может и Левиафаном. Пока погода хороша, а виды приятны, он едва ли замечает то состояние минимальной свободы, в котором он оказался. Наоборот, наступает оптимизм, ощущение силы, навеянное скоростью передвижения. Все меняется, когда появляются огнедышащие острова и айсберги. И тогда техника не только превращается в нечто далекое от комфорта, но и становится заметным недостаток свободы – будь то в победе стихии, будь то в том, что одиночки, сохранившие свою силу, начинают осуществлять абсолютную командную власть.

Детали этого положения известны и неоднократно описаны: они лежат в области нашего непосредственного опыта. Здесь может возникнуть возражение, что уже случались эпизоды страха, апокалиптической паники без всякого сопровождения со стороны автоматических процессов. Мы оставим это возражение без рассмотрения, поскольку автоматическое становится по-настоящему страшным только тогда, когда оно проявляет себя как одна из форм злого рока, как стиль, столь непревзойденно переданный в полотнах Иеронима Босха. Пускай это будет хоть современный, совершенно особенный страх, хоть стиль эпохи все возвращающегося Мирового Ужаса – мы не хотим задерживаться на этом вопросе, вместо этого мы зададим встречный вопрос, который нам больше по душе: можно ли ослабить страх, пока автоматизм не только продолжает существовать, но и, как можно предположить, продолжает совершенствоваться? Можно ли, оставаясь на Корабле, в то же самое время

сохранять способность принимать собственные решения, что означает – не терять своих корней, укрепляя их связь с первоначалом? Это и есть подлинный вопрос нашего существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yunger_ernst/uhod-v-les

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити